

О. В. Радчук
Харьковский национальный педагогический
университет имени Г. С. Сковороды

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ПОНЯТИЯ “ОТСУТСТВИЕ”

В статье делается попытка раскрытия сущности понятия “отсутствие”. В этой связи автором прослеживается эволюция онтологических и гносеологических принципов в понимании сущности и явления. Бытийные взгляды на мир оказываются сопряженными с языковой онтологией, поскольку с помощью языка человек осознает окружающий мир. При создании номинаций на основе перцепции и вторичных номинаций на основе апперцепции внутренняя форма выступает как содержательный по своей природе прием структуризации языкового знака. Исходя из того автором статьи реконструируется внутренняя форма термина понятия, а также предлагается формулировка понятия “отсутствие” в качестве необходимого для исследования пустых “ниш” в системе языка.

***Ключевые слова:** понятие “отсутствие”, онтологические и гносеологические принципы, сущность и явление.*

Лингвистические исследования последних лет акцентируют внимание на сущностно-бытийных вопросах языка, развивая и дополняя проблему языковой онтологии [1; 4; 5; 14]. Лингвистическая детерминированность понимания явлений реальности связана с опытом человека, личностной перцепцией и апперцепцией. Универсальный сенсорный опыт коррелирует со стереотипными формами восприятия и познания мира предметов, явлений, процессов, раскрывая сущность как основу мироздания, субстанцию всего сущего. Сущность обладает разной мерой глубины, ее рассмотрение в гносеологическом и в онтологическом аспектах способствует выявлению основных свойств, причин возникновения, законов функционирования и тенденции развития. Поскольку сущность обладает различной мерой реализации, то, соответственно, и сущность понятия “отсутствие” имеет различное проявление. Актуальность исследования определяется необходимостью углубления теории аксиосферы в лингвистике, связанной с проблемами современной когнитивной науки.

Цель статьи состоит в обосновании сущности понятия “отсутствие” с опорой на изменения парадигмального характера языка как системы и накопленного опыта в осознании человека и его языка.

Современная аксиология ориентирована на разработку концепции подлинного человеческого бытия как основания в философии универсального сущностного смысла жизни человека. Явно аксиологическими, не зависящими от времени, на первом месте по значимости являются кванторы “существование vs несуществование”, маркированные как “наличие vs отсутствие” во всех сферах жизнедеятельности человека, в том числе и языковой. А может, прежде всего

языковой, поскольку язык, по мнению авторов коллективной монографии “Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов”, представляет собой пространство “пересечения множества модусов переживания бытия человеком в его воздействующем диалоге с открывающимся познанию и освоению миром и самим собой в процессах жизни” [4, с. 3]. Лингвофилософские наблюдения позволяют рассмотреть понятие “отсутствие” как значимого для человека, с помощью которого выявляются отсутствующие элементы в языковой системе или языковые явления, фиксирующие отсутствие.

Философский дискурс позволяет расширить диапазон явлений, в которых проявляется сущность понятия “отсутствие”. Онтология как философское учение о бытии, категориях и закономерностях сущего, тесно связана с теорией познания и логикой. Философы, начиная с античных времен, пытались дать ответ на главный вопрос онтологии “Что существует?” и описать структуру, свойства и формы бытия. Бытие в классической метафизике определялось как Бог, Абсолют Вселенной. Философы Средневековья, продолжая развивать идеи древних мыслителей, выдвинули онтологическую проблему существования абстракций. Бытие как то, что подлежит осознанию, начали противопоставлять Ничто. Позже в экзистенциализме Бытие объясняется посредством бытия человека, который способен мыслить и познавать Бытие. Возникновение философского вопроса о соотношении Бытия и Сознания приводит к постановке гносеологического вопроса “Как человек познает объективную реальность?”.

Общеизвестно, что человек обнаруживает и воспринимает предметы и явления окружающей действительности с помощью сенсорно-моторной перцепции. Являясь субъектом когнитивной деятельности, человек переносит данные чувственного восприятия в психическую сферу с целью создания абстракций. Гносеологический статус приобретают абстракции, оформленные в виде понятий. Таким статусом обладает и понятие “отсутствие”.

В понятии заключается синтезирование признаков, объединение их в единое целое, т.е. гештальтный образ. Целостность генерирована отдельными фрагментами и предполагает обобщение, спецификацию и абстракцию. Понятие является инструментом мышления и характерно для всех его видов. В соответствии с классификацией по психическим процессам – наглядно-действенному (присуще с момента рождения человека), конкретно-предметному (формируется у ребенка от 1,5 до 7 лет), абстрактно-логическому (развивается с 7 летнего возраста) – указанные типы мышления рассматриваются как этапы развития мышления в филогенезе и онтогенезе. С помощью действий дети проявляют способность к анализу и синтезу даже в раннем возрасте, затем пытаются самостоятельно создавать образы, позже, с опорой на вербальные знания, начинают оперировать понятиями.

Развитое абстрактно-логическое мышление предполагает использование понятий в различных сферах деятельности человека. Прежде всего, это повседневная жизнь во всем разнообразии: семья, образование, медицина, экономические отношения, творчество, наука, политика, религия и другие социальные институты. Понятие “отсутствие”, как указывалось ранее, принадлежит именно к таким абстрактным понятиям, которые формируются у ребенка с момента рождения и затем являются необходимыми для каждого индивидуума во всех отраслях социума, и поэтому используются во всех видах дискурса.

Социально-культурные детерминации играют важную роль при познании объективной действительности. В ходе познания человек формирует понятия о чувственно воспринимаемых и не воспринимаемых свойствах предметов. Особую роль в этом играет ассоциативное мышление. С помощью данного типа мышления в сознании человека устанавливается связь между отдельными объектами действительности, которые отражаются в сознании и закрепляются в памяти. Каждый новый опыт человека отталкивается от уже имеющейся у него ассоциативной связи, удерживая и перенося имеющиеся знания на новый уровень. Ассоциативные процессы, происходящие в сознании человека, опираются на чувственное восприятие, перцепцию и апперцепцию, в результате чего формируется целостное представление мыслительных образов с последующей репрезентацией, как вербальной, так и невербальной.

Мысль, сформированная и передаваемая с помощью понятия, имеет свойства гештальта, следовательно, и понятия имеют целостную структуру, мотивированную внутренней формой слова, в котором оно вербализуется. Понимание внутренней формы слова как основы номинации неоднократно подчеркивалась в теоретических разработках не только А. А. Потебни [8], но и последующих поколений лингвистов [2; 10; 12]. В частности, Е. С. Снитко обращает внимание на то, что “апперцептивные процессы, сопряженные с формированием внутренней формы наименований, имеют гносеологическую природу. Следовательно, внутренняя форма НЕ (номинативной единицы – *О. Р.*) является одной из основных составляющих сигматического аспекта плана содержания НЕ” [10, с. 78]. Действительно, сигматика характеризует слово со стороны его внелингвистических связей и отражает опыт практической деятельности человека, в основе которого находятся визуальные, тактильные и иные сенсорно-моторные ощущения. Сигматический аспект значения демонстрирует свою силу и в ходе развития лексической семантики, когда внутренняя форма слова начинает терять связь со словом. Внутренняя форма номинации как основной мотивирующий признак может быть вскрыта с помощью этимологического анализа, позволяющего посредством применения сравнительно-исторического метода обнаружить фонетические закономерности в звуковой оболочке слова.

Признаем целесообразным привлечь данные этимологии, вскрывающей внутреннюю форму слова *понятие*, поскольку содержание термина “понятие” считаем существенным для рационального описания языковой и ментальной сферы отсутствия в осмыслении системы языка носителями русского языка.

Термин “понятие” активно используется исследователями при антропоцентрическом подходе в изучении языковых явлений и единиц, что и предполагает отсылку к этимологии слова, соединяющую термин-дериват с мотивирующей основой. Глагол *понять* значит “уяснить, усвоить смысл, сущность, содержание чего-либо”. Корень в слове праславянский, а современная форма развилась из древнерусского *понати* – первоначально “схватить, поймать” (мысль). Этот глагол образован с приставкой *по-* от глагола *ѣти, иму* “взять, схватить, овладеть”. Звук [н] в нем вставной. Он отделился от предлога-приставки *сън, вѣн* в образованиях *снятъ, взятъ* (*сънѣти, вѣнѣти*) и присоединился к корню. В древнерусском языке словосочетания *поѣти, понѣти жену* передавали значение “взять в жены”. Современный глагол *поймать* сохраняет свое первоначальное значение “схватить”. В “Словаре Академии Российской” (1806) отмечается форма *няtie* “плен”. Древнерусский звук [’а] (графически ѣ), давший современный [’а] (графически я), развился из праславянского носового *ę*, который, как известно, в определенных позициях чередуется с сочетаниями гласный + носовой согласный, отсюда алломорфы корневой морфемы: *-ем-, -емл-, -им-, -йм-, -ъм-* (*заем, занимаю, займу, возьму, приемлю, имею*) [13, с. 318].

Этимологический экскурс демонстрирует емкость и содержательность термина “понятие”. Внутренняя форма и прототипы слова позволяют уточнить современное значение и пояснить его антропонимическую сущность. Осмысленное, осознанное восприятие и понимание возможно только человеком, на основе чего возникают вербальная и невербальная рефлексии.

Чем сложнее объект исследования, тем важнее определение основного термина, приложимого к разрешению проблемы работы. Поскольку данный термин имеет особую смысловую нагрузку в постижении значимости теоретической установки исследования понятия “отсутствие” в системе русского языка и изыскании верного вектора в прикладном рассмотрении вопроса, считаем необходимым обратиться к аргументации в пользу выбора непосредственно термина “понятие” и представить наше толкование термина “понятие отсутствие”.

В качестве рабочего определения предлагаем следующую формулировку термина: “понятие отсутствие” – это результат и инструмент когнитивной деятельности человека, при которой прототипы “нет” или “без” преобразуются в вербальный или невербальный знак языковой системы. Когнитивные способности человека при этом опираются на комплекс ассоциаций, память, метафоризацию и метонимизацию, перцепцию и

апперцепцію. В этом находит реализацию непредсказуемость и нестандартность мышления, появление новых номинативных единиц, расширение и сужение лексической семантики слова, селекция грамматических форм слов, осознанное создание комического и многое другое. Психические корреляты вскрывают лингвокреативную составляющую мыслительных процессов человека, именно психология индивидуума влияет на создание репрезентаций понятия “отсутствие” в языковой системе.

Язык изначально определяется как развивающаяся в онтогенезе дуальная система, постепенно расширяющая спектр оппозиций однотипных единиц всех стратумов языковой системы. Стремясь к гармонии, установлению баланса, язык находится в динамике, в процессе чего заполняются или появляются пустые “ниши” в системе. Дескриптивный анализ языковых явлений невозможно осуществить без опоры на понятие “отсутствие”, выступающее оппозитом понятия “наличие”. Принцип бинарных оппозиций относится к наиболее древним философским постулатам познания и позволяет приблизиться к осознанию имманентной природы языковой системы. С помощью понятия “отсутствие” можно объяснить особенности национальной идентификации языка. Узуальное и окказиональное употребление слов не всегда становится нормированным. И в то же время закрепленные нормой лексические значения и грамматические формы не всегда используются носителями языка в повседневной коммуникации. Наличие vs отсутствие в языке и речи не тождественно. Это связано с длительным процессом развития и становления системы языка, структура которой предполагает ассоциативные, противопоставительные и противительные связи, то есть парадигматику.

Формирование словоизменительных и словообразовательных парадигм слова происходит путем противопоставления одной граммы другой или другим. Системный характер грамматических значений состоит во взаимосвязи и взаимоисключении, поскольку слово не может одновременно использоваться в речи в разных грамматических формах. По замечанию Б. Ю. Нормана, “речевая неполнота парадигмы отдельных слов – совершенно естественный факт, мотивированный самой природой языка как средства познания и общения. С одной стороны, неполнота парадигмы фиксирует, “шифрует” лексическое значение, позволяет ему формально выделиться на фоне других значений. Это – гносеологический аспект рассматриваемого явления. А с точки зрения онтологии, неполнота парадигмы того или иного слова отражает состояние языковой картины мира, закрепляет результат когнитивного и коммуникативного “освоения действительности”, достигнутый в настоящий момент” [7, с. 22]. Мы полностью разделяем данную точку зрения.

Мы считаем, что лексические и грамматические значения, существуя в системе координат “наличие vs отсутствие”, сочленены с определенным

конкретным типом культуры и оказываются привязанными к прототипам, чем и объясняется национальная специфика языковой системы. Е. А. Скоробогатова, указывая на тесную связь лексики и грамматики, полагает, что именно грамматика предопределяет семантику, поскольку в языке наблюдается “стабильность морфологических форм и имплицитность морфологических значений, автоматизм передачи морфологической информации” [9, с. 5]. Действительно, если провести параллель с философской идеей критерия существования “онтологического обязательства”, выдвинутой Куайном, то согласно его онтологическим изысканиям, существующее – это нечто, постулируемое человеком в целях получения концептуальной схемы, согласующейся с эмпирическими данными. Как пишет Куайн, “наши рассуждения о внешних вещах, само наше понятие вещи есть лишь концептуальное средство, которое помогает нам предвидеть и контролировать возбуждение наших сенсорных рецепторов в свете их предыдущих возбуждений” [3, с. 42].

Однако в языковой системе не все можно предвидеть, и обязательство как нечто, требующее безусловного выполнения, может нарушаться. Существование vs несуществование являются разным проявлением сущности. Сущность понятия “отсутствие” оказывается значимой в системе языка, поскольку выявляется с помощью развернутого спектра языковых явлений.

Под влиянием восточных философских традиций развиваются постмодернистские идеи, в которых наблюдается сближение философско-эстетического и лингвистического осознания и толкования онтологии языка. Возможное недуалистическое восприятие, отказ от логического подхода, ориентация на креативность мышления, находящего воплощение в непредсказуемых вербальных и невербальных репрезентациях, становится важным шагом к пониманию когнитивных процессов.

Таким образом, онтологическая и гносеологическая сущность понятия “отсутствие” имеет глубокие корни, не всегда соответствует логическим представлениям, поскольку развивается под влиянием креативного мышления человека и имеет прагматические цели. Сущность понятия “отсутствие” имеет широчайший диапазон репрезентаций, представленный гетерогенными языковыми явлениями.

Л и т е р а т у р а :

1. *Бондаренко А. В.* Лингвистическая онтология от античности до наших дней / А. В. Бондаренко // Вестник Челябинского государственного университета. – № 10 (148). Филология. Искусствоведение. Вып. 30. – 2009. – С. 15–21.
2. *Кияк Т. Р.* Мотивированность лексических единиц / Тарас Романович Кияк. – Львов : Изд-во ЛГУ, 1988. – 163 с.

3. *Куайн У. В. О.* Онтологическая относительность / У. В. О. Куайн / сокр. пер. А. А. Печенкина // Современная философия науки. – М., 1996. – С. 40–61.
4. Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов : коллективная монография. – М. : ТЕЗАУРУС, 2011. – 352 с.
5. *Макеева Л. Б.* Язык, онтология и реализм / Л. Б. Макеева. – М. : Изд. Дом Высшей школы экономики, 2011. – 310 с.
6. *Норман Б. Ю.* К соотношению семантической и сигматической информации в плане содержания слова (на материале славянских языков) / Б. Ю. Норман // Слово и язык : сб. ст. к восьмидесятилетию акад. Ю. Д. Апресяна. – М. : Языки славянских культур, 2011. – С. 307–318.
7. *Норман Б. Ю.* О неполной парадигме слова / Б. Ю. Норман // Русский язык: система и функционирование (к 90-летию БГУ и 85-летию профессора П. П. Шубы) Сборник материалов Международной научной конференции. 10–11 октября 2011 г. – Минск, 2011. – С. 13–23.
8. *Потебня А. А.* Мысль и язык / Александр Афанасьевич Потебня. – К. : Синто, 1993. – 192 с.
9. *Скоробогатова Е. А.* Поэтическая морфология как лингвопоэтики и лингвокреативная практика филологического эксперимента / Е. А. Скоробогатова // Русская филология: Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды. 2018. – № 4 (66). – С. 3–10.
10. *Снитко Е. С.* Внутренняя форма номинативных единиц / Елена Степановна Снитко. – Львов : Свит, 1990. – 188 с.
11. *Спиркин А. Г.* Философия : в 2 т. Т. 1 / А. Г. Спиркин. – М. : Юрайт, 2016. – 402 с.
12. *Уфимцева А. А.* Семантика слова / А. А. Уфимцева // Аспекты семантических исследований : сб. научн. тр. – М. : Наука. 1980. – С. 5–80.
13. *Цыганенко Г. П.* Этимологический словарь русского языка ; 2-е изд., перераб. и доп. / Галина Петровна Цыганенко. – К. : Радянська школа, 1989. – 511 с.
14. *Чернцова Е. В.* Дискурсивное варьирование когнитивной семантики слова: опыт интегрального исследования (на материале глагольных предикатов *казаться, показаться, девербатива кажимость, парентезы кажется*) / Е. В. Чернцова. – Харьков : Изд-во ХНУ им. В. Н. Каразина, 2019. – 428 с.

R e f e r e n c e s :

1. *Bondarenko A. V.* Lingvisticheskaya ontologiya ot antichnosti do nashih dnei [Linguistic anthology from antiquity to nowadays] / A. V. Bondarenko // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – № 10 (148). Filologiya. Iskusstvovedenie. – Vyp. 30. – 2009. – S. 15–21.
2. *Kiyak T. R.* Motivirovannost leksicheskikh edinic [Lexical Units Motivation] / Taras Romanovich Kiyak. – Lvov : Izd-vo LGU, 1988. – 163 s.
3. *Kuajjn U. V. O.* Ontologicheskaya otnositelnost [Ontological relativity] / U. V. O. Kuajjn / Sokr. per. A. A. Pechenkina // Sovremennaya filosofiya nauki. – М., 1996. – S.40–61.
4. Лингвистика і аксиологія: етносемиотрія цінностей смислів [Linguistics and axiology: value meanings ethnosemiometry]: колективна монографія. – М. : ТЕЗАУРУС, 2011. – 352 с.

5. *Makeeva L. B.* Yazyk, ontologiya i realizm [Language, ontology, and realism] / L. B. Makeeva. – M. : Izd. Dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2011. – 310 s.
6. *Norman B. Yu.* K sootnosheniyu semanticheskoy i sigmaticheskoy informacii v plane sodержaniya slova (na materiale slavyanskih yazykov) [About relations between semantic and sigmatic information in word meanings (on the basis of Slavic languages)] / B. Yu. Norman // Slovo i yazyk: sb. st. k vosmidesyatiletiju akad. Yu. D. Apresyana. – M. : Yazyki slavyanskih kultur, 2011. – S. 307–318.
7. *Norman B. Yu.* O nepolnoj paradigme slova [On word incomplete paradigm] / B. Yu. Norman // Russkij yazyk: sistema i funkcionirovanie (k 90-letiyu BGU i 85-letiyu professora P. P. Shuby) Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. 10–11 oktyabrya 2011 g. – Minsk, 2011. – S. 13–23.
8. *Potebnya A. A.* Mysl i yazyk [Thought and language] / Aleksandr Afanacievich Potebnya. – Kiev : Sinto, 1993. – 192 s.
9. *Skorobogatova E. A.* Poeticheskaya morfologiya kak lingvopoetiki i lingvokreativnaya praktika filologicheskogo eksperimenta [Poetic morphology as linguopoetics and linguocreative practice of philological experiments] / E. A. Skorobogatova // Russkaya filologiya: Vestnik Har'kovskogo nacionalnogo pedagogicheskogo universiteta imeni G. S. Skovorody. 2018. – № 4 (66). – S. 3–10.
10. *Snitko E. S.* Vnutrennyaya forma nominativnyh edinic [Inner form of nominative units] / Elena Stepanovna Snitko. – Lvov : Svit, 1990. – 188 s.
11. *Spirkin A. G.* Filosofiya. [Philosophy] : v 2 t. T. 1. / A. G. Spirkin. – M. : Urajt, 2016. – 402 s.
12. *Ufimceva A. A.* Semantika slova [Word semantics] / A. A. Ufimceva // Aspekty semanticheskikh issledovanij: sb. nauchn. trudov. – M. : Nauka, 1980. – S. 5–80.
13. *Cyganenko G. P.* Etimologicheskij slovar russkogo yazyka [Etymological dictionary of Russian] ; 2-e izd., pererab. i dop. / Galina Petrovna Cyganenko. – K. : Radyanska shkola, 1989. – 511 s.
14. *Cherncova E. V.* Diskursivnoe varirovanie kognitivnoj semantiki slova: opyt integralnogo issledovaniya (na materiale glagolnyh predikatov kazatsya, pokazatsya, deverbativa kazhimost, parentezy kazhetsya) [Discourse variation of word cognitive semantics: an attempt of integral research (based on verbal predicates *kazat'sya*, *pokazat'sya*, verbal noun *kazhimost'*, parenthesis *kazhetsya*)] / E. V. Cherncova. – Harkov : Izd-vo HNU im. V. N. Karazina, 2019. – 428 s.

Радчук О. В. Онтологічна та гносеологічна сутність поняття “відсутність”.

У статті робиться спроба розкриття сутності поняття “відсутність”. У зв'язку з цим автором простежується еволюція онтологічних і гносеологічних принципів у розумінні сутності та явища. Буттєві погляди на світ виявляються пов'язаними з мовною онтологією, оскільки за допомогою мови людина усвідомлює навколишній світ. При створенні номінацій на основі перцепції і вторинних номінацій на основі апперцепції внутрішня форма виступає як змістовний за своєю природою прийом структуризації мовного знаку. Виходячи з того автором статті реконструюється внутрішня форма терміна поняття, а також пропонується формулювання поняття “відсутність” в якості необхідного для дослідження порожніх “ніш” у системі мови.

Ключові слова: поняття “відсутність”, онтологічні і гносеологічні принципи, сутність і явище.

Radchuk O. V. Ontological and epistemological essence of the notion of 'absence'.

The article examines the essence of the notion of 'absence'. The author traces the evolution of ontological and epistemological principles in comprehending the essence and a phenomenon. Existential worldviews are paired with a linguistic ontology, as with the help of language, a person learns the world around him, delimiting the quantifiers of existence vs nonexistence, the correlation with them of the oppositions presence vs absence, taking place in the real world of things and the language system. When creating nominations on the basis of perception and secondary nominations on the basis of apperception, the internal form acts as a technique, meaningful in its nature, for structuring of a linguistic sign. Proceeding from that, the researcher reconstructs the inner form of the term notion and suggests the definition of the notion of 'absence', which is necessary for exploring blank areas in the language system. Lexical and grammatical meanings, existing in the system of axes presence vs absence, are related to a definite type of culture and are associated with their prototypes thus accounting for national features of a language system. The prototypes net and bes being developed in secondary nominations reveal the ontological and epistemological essence of the notion of 'absence'. Verbalization of the notion of 'absence' is represented with a wide range of heterogeneous lingual phenomena thus manifesting human cognition and creative thinking.

Keywords: *the notion of 'absence', ontological and epistemological principles, the essence and a phenomenon.*

Т. В. Слива

**Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова**

**ДИВЕРГЕНТНЫЕ И КОНВЕРГЕНТНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В АССОЦИАТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ СТРУКТУРАХ**

В статье изложены основные результаты исследования дивергентных и конвергентных процессов в составе ассоциативно-семантических структур. Ассоциативно-семантическая структура формируется с учетом ассоциативных и семных взаимодействий лексем, объединенных в денотативные зоны на основе общих семантических признаков. Выявляются многозначные рефлексемы, которые в разных значениях могут образовывать разные денотативные зоны, определяется их место в составе парадигмы.

Ключевые слова: *ассоциативно-семантическая структура, каузма, рефлексема, денотативная зона, дивергенция, конвергенция.*

В современной лингвистике вопрос о системности лексики уже перестал быть дискуссионным, однако число парадигм, в пределах которых группируются лексические единицы, и четкие характеристики некоторых из них до сих пор не определены. При этом очевиден изоморфизм таких группировок, что обеспечивает функционирование лексической системы. Исследованию лексических парадигм посвящены многочисленные работы Ю. Д. Апресяна, Ю. Н. Караулова, В. И. Кодухова, А. М. Кузнецова, Л. А. Новикова, Ж. П. Соколовской, А. А. Уфимцевой, Ф. П. Филина, Д. Н. Шмелева и др.